

БЛУЖДАЮЩИЕ МОЛЕКУЛЫ СБЕГАЮТСЯ К ЦЕНТРУ

Тяга к объединению — российский феномен

В преддверии выборов все отчетливее проступают две внешне противоположные, а на самом деле взаимосвязанные друг другом тенденции политической жизни России.

Первая тенденция — ко все большей «атомизации», превращению нашего политического ландшафта в пространство, по которому свободно гуляют отдельные «молекулы», вступающие друг с другом в самые причудливые, легко возникающие и так же легко разрушающиеся комбинации. Ни про кого, кроме самых крайних радикалов вроде Нины Андреевой и Баркашова, нельзя сказать с уверенностью, что он не может вступить с кем-либо в союз или что он из этого союза не может выйти. Все идейные, партийные, блоковые и мафиозно-клановые лояльности у нас ослабли до предела, практически каждый политик может легко бросить («кинуть») кого угодно и объединиться с кем угодно, без каких-либо идейных мук или моральных терзаний.

Другая тенденция — это, наоборот, тенденция к объединению «всех здоровых сил». На «центристской», естественно, платформе, «Центризм» — любимое слово наших политиков, теперь у нас — не «правые», а «правоцентристы», не левые, а «левоцентристы». Наиболее сильные центры притяжения наших «блуждающих молекул» — Примаков и Лужков. Объединиться с ними готовы все «здоровые силы» — и коммунисты, и социалисты, и монархисты, и губернаторы (как «мусульмане», так и «православные»), и даже «Яблоко». При этом чем затейливее траектория движения данной политической «молекулы», чем чаще она меняла свою идеологическую и политическую ориентацию в соответствии с изменениями линии «партии власти», тем сильнее влечет ее к этому центру.

Откуда эти две тенденции, каковы их корни? Обе они — современные российские модификации общемировых процессов.

Исчезновение четких, структурированных идеологий идет во всем мире. Но Россия здесь во многом отличается от других стран. Прежде всего неразберихой в определении того, где «лево» и где «право», что есть национальная традиция и что — модернизм и интернационализм. (Только у нас православный коммунист или демократ, поклоняющийся Пиночету, — фигуры нормальные.) Во-вторых, особенно тесной связью деидеологизации с аморальностью. В условиях многолетнего господства идеологии, в которую давно никто не верил, понятия «правда», «ложь», «убеждения» практически утратили свое значение. Последующий легкий переход к демократии и приватизации значение этих понятий никак не укрепил. Поэтому говорить об убеждениях наших политиков очень сложно. Они даже не врут — это слово не подходит, ибо подразумевает, что где-то внутри у человека есть некая «правда», которую он скрывает ложью. У них есть какие-то эклектические комбинации идей (немножко патриотизма, немножко демократии, рыночности, социализма и вообще всего чего угодно), и в зависимости от ситуации они могут даже как бы искренне говорить то одно, то другое, объединяясь по обстоятельствам то с тем, то с этим. Последнее наше более или менее серьезное идеологическое размежевание — на коммунистов и демократов — рассыпается на глазах и поддерживается в громадной мере искусственно. Коммунисты уже готовы вступить в союз с кем угодно из серьезных претендентов на кремлевский престол, но те, похоже, их не возьмут,

справедливо полагая, что задача серьезного претендента — выйти во второй тур вместе с Зюгановым (лучшего соперника придумать нельзя).

«Центризм» — тоже модификация всемирного процесса. Деидеологизация означает «прагматизацию» политики, объективное сближение левых и правых, консерваторов и лейбористов, христианских демократов и социал-демократов. Но и здесь есть наша специфика. На Западе, как бы ни прагматизировались программы, какими бы идеологически неопределенными и объективно близкими друг к другу ни становились противостоящие друг другу партии, на каждом выборах все «разбегаются» направо и налево и всячески стараются подчеркнуть свои различия. Ибо в этом — суть выборов. У нас же, наоборот, в преддверии выборов все стремятся подчеркнуть не различия, а сходства. И даже обвиняют президента, что он пытается столкнуть их лбами.

Откуда эта тенденция? Против кого объединяются «здоровые силы»? Разумеется, не против экстремистов-маргиналов, которые слишком слабы, чтобы выполнить роль консолидирующей угрозы. Это и не объединение против президента и его «семьи» — против Ельцина имело смысл «дружить» в 1996 г., но не за год до его ухода. Я думаю, что понять теперешнюю тягу к «центристскому» объединению можно, лишь учитывая психологию политической элиты, прошедшей через школу КПСС и выработавшей там определенные привычки и черты характера. В КПСС были свои группировки, к которым примыкали и затем оставляли их отдельные делающие карьеру «молекулы», сознание которых уже тогда было приблизительно таким же «деидеологизированным», как и сейчас, были даже свои вроде бы «либералы» и свои вроде бы «консерваторы», было ритуальное списывание грехов на предшествующего генсека. Но чего в КПСС не было, так это выборов. К выборам, к постоянной мысли об избирателях, а не о начальстве, наша элита не привыкла и психологически не приспособлена. Кроме того, в наших «постприватизационных» условиях, когда почти любого политика можно посадить, не нарушая законы и ничего не подтасовывая, реальные, непредсказуемые выборы — очень большой риск, значительно больший, чем любая карьерная неудача в КПСС. Поэтому серия действительно альтернативных выборов неизбежно повлекла бы за собой значительную смену нашей элиты. И поэтому же глубокий инстинкт подсказывает политикам, что выборы надо максимально выхолостить, представ перед избирателями единым блоком «всех здоровых сил», которому «нет реальной альтернативы».

Наша элита понимает, что совсем без выборов сейчас никак нельзя, но она хочет иметь все преимущества демократической легитимизации, не испытывая риска выборов, — так же, как хочет иметь все преимущества частной собственности, не испытывая рисков рынка. Ее идеал — демократически, но безальтернативно выбранная власть, не дающая обанкротиться связанным с ней частным предпринимателям.

Получится ли это у нашей элиты? Две силы мешают ей. Во-первых, так и не определившийся с преемником президент и его «семья», интересы которых разошлись с интересами элиты и которым в некотором роде уже нечего терять, и они (совершенно независимо от своих мотивов) сейчас объективно способствуют сохранению неопределенности и реальной альтернативности. Но с ними, наверное, как-то можно договориться, и, кроме того, как бы они ни сосредотачивали в своих руках деньги и СМИ, у президента, который все равно скоро уйдет и который в любом случае обречен стать козлом отпущения (я просто слышу фразу его преемника: «Сейчас, слава богу, не ельцинские времена»), реальных ресурсов все равно немного. Во-вторых, мешают коммунисты, которым будет уже очень трудно снова выполнить роль, которую они так прекрасно исполнили в 1996 г. и которую они выполнять больше не хотят. Но коммунистов,

если их категорически ни в какие центристские блоки не брать и как-то поднакачать, можно заставить.

Однако самый главный ресурс российской элиты — наш народ. Он также боится реальных альтернативных выборов, поскольку привык бояться самого себя и не очень верит в то, что верховную власть действительно можно выбрать. Он хочет прежде всего стабильности, и поэтому слово «центризм» ласкает его слух. Таким образом, все может получиться. И все вернется на круги своя. Будет новый президент с новой «семьей». Вокруг него будет идти грызня и возобновится броуновское движение «молекул». Будет и дальше идти приватизация недоприватизированного, а кое-что и переприватизируют.

Наша элита в силу своей крайней безыдейности и аморальности смогла великолепно справиться с задачей почти бескровного разрушения КПСС и СССР (найдишь в ней хотя бы сто человек, действительно готовых на жертвы во имя чего бы то ни было, мы бы прошли через кровавую гражданскую войну). Но по тем же самым причинам строительство нового российского государства у нее никак не получается — нельзя ничего построить, не имея никаких идей и никаких планов, выходящих за пределы личной жизни, думая только о своей сиюминутной выгоде. Поэтому без глубоких изменений в элите, которые может произвести только серия реально альтернативных выборов и ротаций власти, наша страна будет и дальше погружаться туда, куда она погружается.